

Шнайдер Владимир Геннадьевич

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБЩИНА В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ: ОПЫТ ЛОКАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена проблемам практического использования некоторых методов и исследовательских приёмов "новой локальной истории" и микроистории. На конкретном примере рассматривается опыт применения методов коллективной биографии локального сообщества, историко-демографического и локального анализа, экстраполяции, изучения социальной экологии этнокультурной общины. Автор ставит вопрос об актуальности такой исследовательской проблемы, как история этнокультурной общины в городских условиях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 215-219. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

31. Шмуратко Д. В. «Комплексный» статистический анализ Баяновского могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / под общ. ред. А. М. Белавина. Пермь, 2008. Вып. V. С. 217-221.
32. Шмуратко Д. В. Этнокультурная ситуация в Прикамье в эпоху Великого переселения народов // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2010. № 126. С. 100-107.
33. Djindjian F. The Golden Years for Mathematics and Computers in Archeology (1965-1986) // *Archeologia e Calcolatori*. 2009. № 20. P. 61-73.
34. Thomas D. H. The Awful Truth about Statistics in Archaeology // *American Antiquity*. 1978. Vol. 43. № 2. P. 231-244.

STATISTICAL METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES: DEVELOPMENT HISTORY (THE 70S OF THE XXTH CENTURY – THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY)

Shmuratko Dmitrii Vladimirovich, Ph. D. in History
Perm' State Classical-Pedagogical University
dimashmuratko@rambler.ru

The author undertakes an attempt to trace the ways of mathematical statistics methods penetration into archeological science in general and in the archeology of Western Ural in particular, aims to write the history of mathematical methods application in the archeology of Western Ural into the context of global and domestic gnoseological transformations from the beginning of the 70s of the XXth century till the present day, concludes that the Ural archeologists' interest in mathematics is a logical and timely reflection of the all-Russian and international research trends, and tells that the science of Kama region is responsive to all the changes in the country and in the world, making its invaluable contribution to the universal intellectual heritage.

Key words and phrases: statistical methods in archeology; historiography; methodology of archaeological research; history of archeology; methodology of science.

УДК 94(470)«18/19»

Исторические науки и археология

Статья посвящена проблемам практического использования некоторых методов и исследовательских приёмов «новой локальной истории» и микроистории. На конкретном примере рассматривается опыт применения методов коллективной биографии локального сообщества, историко-демографического и локального анализа, экстраполяции, изучения социальной экологии этнокультурной общины. Автор ставит вопрос об актуальности такой исследовательской проблемы, как история этнокультурной общины в городских условиях.

Ключевые слова и фразы: этнокультурная община; социальная экология; историко-демографический и локальный анализ; экстраполяция; новая локальная история; микроистория.

Шнайдер Владимир Геннадьевич, д.и.н., доцент
Кубанский государственный университет (филиал) в г. Армавире
schneiderwg@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБЩИНА В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ: ОПЫТ ЛОКАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[©]

Одним из возможных названий этой статьи нами рассматривался такой вариант, как «Апология антикварной истории». Однако он был отклонен как явный парафраз, а также как избыточно претенциозный. Хотя суть отражал бы верно.

Уже ясно, что отправной точкой наших рассуждений стала известная классификация видов исторического знания, приведенная Ф. Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни» [6]. Предметом же данной статьи стали подходы и методы исследования этнокультурной городской общины российских немцев, в целом сформировавшейся в г. Армавире в конце XIX в. и существующей в весьма измененном виде до настоящего времени.

В 2012 г. увидела свет монография «Немцы Армавира» [13]. Об исследовательских приемах, реализованных в данной работе, мы и хотели бы поговорить более подробно.

Согласно классификации методов исторического исследования И. Д. Ковальченко, в качестве основной формы наиболее глубокого понимания истории предстают исторический и логический методы. В силу ряда причин И. Д. Ковальченко отдает предпочтение логическому [2, с. 146-147], и в этом (применительно к кругу поставленных в нашей монографии задач) мы склонны с ним согласиться. Рассматриваемая в этой же работе в качестве общенаучного метода последовательность восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному [Там же, с. 149] едва ли достаточно продуктивна на примере антикварной истории.

Суть этого утверждения достаточно хорошо раскрыта задолго до нас в уже упомянутой работе Ф. Ницше, в которой он, в сущности, предостерегает от доминирования одного из трех видов истории, в т.ч. и антикварной.

Нельзя не согласиться с великим философом, однако заметим, что за почти полтора столетия с момента написания его работы, в развитии культуры произошло несколько чрезвычайно важных событий. Остановимся на наиболее крупных из них. Во-первых, произошел переход к т.н. информационному обществу; во-вторых, культура вступила в эпоху постмодернизма; в-третьих, наступил такой период в истории человечества, который Ф. Фукуяма охарактеризовал как конец истории, хоть и с вопросительным знаком [12]; в-четвертых, в условиях информационного общества произошла атомизация знаний, в том числе и исторического; в-пятых, монументальная история уже не первое десятилетие пребывает в состоянии кризиса, что вызвало к жизни целую серию новых направлений исторических исследований, в числе которых «новая локальная история» и микроистория [9, с. 239-242].

Позволим себе заметить, что монументальная история, или история как метарассказ, не столько пребывает в кризисе, сколько заслуженно почивает на лаврах, выполнив свою общечеловеческую миссию, играя при этом непреходящую и незаменимую роль в историческом образовании. Фокус интересов ученых, таким образом, сместился в более частные проявления социокультурной истории. В Европе это произошло в 1960-1970-е, а в России – в 1990-е гг.

Оправданность этого смещения определяется не только сугубо теоретическими причинами, но также и интересами обывателей как важным побудительным мотиве любого творчества культуры и науки эпохи постмодернизма. Важным признаком творчества постмодернизма является так называемое двойное кодирование произведения. Позволяющее, с одной стороны, заинтересовать высокоинтеллектуальную часть читателей, обладающих взыскательным вкусом, а с другой стороны, сделать произведение коммерчески успешным, то есть суметь уместить его в формат массовой культуры.

Постмодернизм в истории с его недоверием к метанарративу, с отрицанием самой идеи целостности и единства как нельзя точно отвечает запросам широких кругов общества, с позволения сказать, утоляющего свой интеллектуальный голод посредством атомизированных источников знания. Не являясь сторонниками этого направления исторических исследований, тем не менее, отметим, что методология и идеология постмодернизма повлияли на изрядную долю массива исторических подходов постнеклассической истории. Впрочем, не станем отрицать и той возможности, что все эти особенности имеют общий с постмодернизмом источник происхождения.

Антикварные исследования призваны вызвать у читателя эффект присутствия. В этом смысле предложенный Ф. Ницше термин чрезвычайно удачен. Антиквариат – зримое порождение эпохи, замершее время, возможность чувственно прикоснуться к прошлому и ощутить через вещь связь времен. Всё это требует не только финансовых возможностей, но и достаточно высокого уровня интеллектуального, нравственного и эстетического развития, помноженного, как правило, на глубокие исторические познания. В этом случае побудительным мотивом коллекционера едва ли является желание познать закономерности мирового исторического процесса, некую всеобщую взаимосвязь причинно-следственных факторов и т.п., чему отдаёт всю себя монументальная история.

На основе подобных интеллектуальных и эмоциональных потребностей выросло краеведение. Однако это направление познавательной деятельности, во-первых, чаще всего любительское, во-вторых, не сугубо историческое. Дилетантские изыскания могут явить весьма любопытные открытия и связанные с ними суждения, но, лишённый методологической целостности, этот результат, как правило, легко оспорим с научной точки зрения. А если его нельзя оспорить, то это означает, что написан он на основе научной методологии, что выводит это исследование за пределы краеведения. Поиск научных подходов, способных сделать научным ценным результатом исторического исследования регионального характера, привел нас к набору методологического инструментария «новой локальной истории» и микроистории.

Первоначально интерес к «новой локальной истории» возник благодаря статье «“Новая локальная история” и микроистория» в работе Л. П. Репиной, В. В. Зверевой и М. Ю. Парамонова «История исторического знания». Фактически каркас применённых в монографии «Немцы Армавира» подходов составили концептивно изложенные в этой статье принципы и методы исследования. Например, изучение локальной общности как развивающегося социального организма; создание коллективной биографии этой общности, которая рассматривается в «новой локальной истории» как главный метод «истории снизу». Реализация этого метода предполагает комбинирование демографического и локального анализа [Там же, с. 239]. В поле исследовательского интереса западных историков-«локалистов» попадали такие факторы, как структура семьи и домохозяйства, система родственных и соседских связей, социальная и географическая мобильность, социальные функции полов, локальные политические структуры и социально-политические представления [Там же]. Буквально все эти аспекты стали структурообразующими компонентами и нашли отражение в монографии «Немцы Армавира».

Дальнейшее углубление понимания принципов и методов «новой локальной истории» произошло благодаря знакомству с деятельностью одноименного научно-образовательного центра Ставропольского государственного университета, созданного в 2002 г. [7]. На сегодняшний день среди учредителей центра значатся: кафедра истории Московского государственного областного гуманитарного института; кафедра истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета; кафедра теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; Российское общество интеллектуальной истории.

Основные подходы и принципы этой научной школы изложены в работах основателей центра: Т. А. Булыгиной, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцевой [1; 4; 5; 10; 11] и некоторых других исследователей.

Итак, предметом нашего научного интереса стала этнокультурная община российских немцев, сформировавшаяся в Армавире (Кубанской области) в последней трети XIX в., практически полностью изгнанная в 1941 г. и в послевоенные годы возродившаяся в сильно измененном наборе нескольких сотен немецких семей. При этом характеристику должны дополнить такие обстоятельства, как 1) существование общины в городских условиях и 2) существование общины в преобладающем инокультурном и иноконфессиональном окружении.

Что важного в этих характеристиках?

Позволим себе отметить, что изучение диаспор (а речь, в сущности, идёт о них), существующих в городских условиях, до сих пор является темой малоизученной. Причин этому довольно много. Отсутствие институализированных форм, административно-территориальная неопределённость, размытость источникового материала, кажущаяся малозначимость предмета изучения – вот основные препятствия, затрудняющие работу историков и пугающие их. А между тем история городских диаспор представляется темой очень актуальной, ибо сегодня обстоятельства их существования иногда становятся причиной обострения того, что принято называть межнациональной напряжённостью. Чаще всего жизнь диаспор протекает вполне мирно и для окружающего иноэтничного большинства почти незаметно (вот, кстати, ещё одна проблема для исследования), но если случается что-то, то наибольший всплеск этнической неприязни это вызывает именно в городах. Ключевым словом в предшествующем предложении является «что-то» и порождает закономерный вопрос: что именно? Нам не хотелось бы останавливаться на конкретных примерах. Заметим только то, что нередко это могут быть вполне обыденные проявления чуждого большинству основного населения города менталитета членов диаспоры, которые вообще не вызвали бы никакой реакции, если бы произошли там, где они представляют этническое большинство, то есть в том месте, откуда «они понаехали». Этот момент, на наш взгляд, весьма заостряет и делает остроактуальной проблему изучения истории городских этнокультурных общин (диаспор).

Нередко так бывает, что сосуществование различных этнокультурных общностей в рамках одного города происходит как бы параллельно. Изучение истории армавирской немецкой городской общины привело нас к нескольким выводам. Мир местных этнических общин был замкнут и консервативен, многие жители Армавира начала XX в. родились далеко от Кубани, или в лучшем случае были армавирцами во втором поколении. Они в значительной мере несли свой образ мира, видя в бурно развивающемся Армавире, прежде всего, возможность разбогатеть. В этнокультурной обособленности сформировавшихся в Армавире к началу XX в. общин мы склонны видеть обратную сторону относительно бесконфликтного сосуществования здесь представителей разных народов. Они как бы сосуществовали в общем настоящем, соприкасаясь только по вопросам жизненной необходимости. Немаловажным было то, что в дореволюционный период и даже в первые десятилетия советской власти в Армавире прослеживалась отчётливая этнопрофессиональная специализация [3, с. 179-207], что мы также склонны рассматривать в качестве фактора стабильности межэтнических отношений. С другой стороны, это обстоятельство ещё больше закрывало внутренний мир общин.

Перечисленные выше обстоятельства укрепили нашу уверенность в том, что избранный нами предмет изучения требует именно тех подходов и методов исследования, которые мы описали выше.

Основу источниковой базы исследования составили главным образом материалы местных архивов. Это является одной из трудностей, которую немало историков просто не пожелало преодолеть. Сложность допуска в ведомственные архивы, разрозненность информации и т.п. невероятно затрудняют подготовительную работу. Среди наиболее существенных источников, на основании которых мы строили свои рассуждения, назовем следующие: метрические книги лютеранского молитвенного дома Армавира (1889-1924 гг.); поквартальные книги из дореволюционного фонда Государственного унитарного предприятия Краснодарского края «Краевая техническая инвентаризация» по г. Армавиру; книги записей актов гражданского состояния Краснодарского краевого отделения ЗАГС в г. Армавире (1922-1941 гг.). Общее количество обработанных источников (книг) составило несколько сотен.

Описание приемов работы с каждой из этих групп источников составило бы достаточный материал для отдельных статей. Поэтому для тех исследователей, кто собирается встать на путь изучения локальных групп (этнических, конфессиональных и т.п.), мы коснемся лишь некоторых аспектов работы с упомянутой выше группой «глубоко провинциальных» источников.

Например, метрические книги молитвенного дома таят в себе массу информации. По данным об умершем человеке, вступающем в брак или принимающим крещение можно судить о миграционных потоках членов интересующей этнической (конфессиональной) группы. Это позволяет сделать запись о месте приписки поселенца. Данная информация относится к числу очевидных. Труднее проследить хронологию миграционных потоков. Для этого нами был применен исследовательский прием, основанный на таком факторе, как высокая детская смертность.

В случае смерти в метрические книги лютеранского молитвенного дома Армавира вносились сведения о селении, поселенцем которого считался умерший. Практически всегда указывалась губерния, сравнительно часто уезд, а вот волость упоминали довольно редко. Если умирал несовершеннолетний, все эти сведения записывались по его родителям. При этом всегда в отдельной графе указывалось реальное место рождения поселенца.

В случае, когда умирал ребёнок до 5-ти лет, местом рождения которого был не Армавир и не близлежащие колонии, то вполне естественно предположить, что его семья прибыла в этот район менее, чем пять лет назад.

Всего нами были проанализированы сведения метрических книг записей о смерти с 1892 г. по 1919 г. Подсчёты были проведены по годам, из числа умерших детей выделялись те, кто родился за пределами Армавира и округа, а полученные данные сведены в общую таблицу.

Предположение о том, что на протяжении всего рассматриваемого периода такие дети были, подтвердилось. Всего за двадцать восемь лет умерло детей недавних переселенцев в возрасте до 5 лет более 7,7% от общего показателя в этой возрастной категории.

Таким образом, мы пришли к выводу, что переселение немцев в Армавир и близлежащие колонии прослеживалось на протяжении 1890-х, 1900-х и большей части 1910-х гг. Наибольшее число мигрантов были выходцами из Самарской губернии.

Из полученных данных стало ясно, что миграция из Поволжья к концу 1900-х гг. заметно снижается, а процент мигрантов из других регионов существенно возрастает [13, с. 87-88].

Другим важным аспектом нашего исследования стал вопрос о длительности проживания немцев в Армавире, то есть, в сущности, вопрос об устойчивости состава общины. Здесь нам на помощь пришли актовые книги местного ЗАГСа. Это вообще довольно любопытный вид источников, особенно применительно к 1920-1930-м гг. – периоду активного советского государственного и национального строительства.

В течение 1920-х и 1930-х гг. формы бланков актовых записей неоднократно изменялись. С 1935 г. была введена графа, в которой фиксировалась длительность проживания в Армавире родителей к моменту рождения ребёнка.

Из извлечённых нами сведений следует, что миграция немцев в Армавир продолжалась постоянно в течение всего межвоенного периода, однако в Армавире существовала устойчивая группа немецкого населения, составлявшая свыше 55%, которая проживала в городе всю свою жизнь или значительную её часть. Очевидно, что те немцы, которые указывали сроком своего проживания в Армавире период в 30 лет и более, были ещё детьми, когда вместе с родителями прибыли в Армавир, ставший для них, фактически, родным городом. Если прибавить к этой группе тех, кто сроком своего проживания в городе указал период от 20 до 30 лет, то число немцев, проживавших в Армавире с досоветского периода, превысит 60%.

Белые пятна в истории таких «малозначительных» явлений, как небольшие городские диаспоры, заставляют прибегнуть к такому приёму, как экстраполяция. Его мы использовали, когда пытались выяснить динамику изменения численности немцев в Армавире после 1926 г. – последнего года, когда их численность была точно известна. Главный вопрос, на который мы пытались ответить: сколько же было немцев в городе на момент их депортации в 1941 г.?

Начнём с того, что нам были известны не только более или менее точные сведения о численности немцев в Армавире за целый ряд лет (1897 г., 1904 г., 1908 г., 1910 г., 1911 г., 1915 г., 1926 г.), но также и данные о рождаемости, смертности и числе заключаемых немцами браков в эти же годы. Число смертей, рождений и браков среди немцев Армавира известно нам и в период после 1926 г. Для выяснения динамики численности немцев Армавира в течение пятнадцати лет (1926-1941 гг.) нами была выдвинута рабочая гипотеза. Суть её заключалась в том, что существует известная связь между числом рождений, смертей и браков внутри определённого сообщества, с одной стороны, и общей численностью этого сообщества, с другой стороны. Мы прекрасно осознавали все недостатки этой гипотезы, а следовательно, и недостатки методов и конкретных исследовательских приёмов, которые можно было бы построить на её основе. К числу факторов, влияющих на погрешность подсчётов, относится миграция, высокая младенческая смертность, а также этническое размывание общины.

В результате проделанных вычислений мы пришли к выводу, что в годы, не сопровождавшиеся какими-либо внутренними или внешними потрясениями, с наибольшей вероятностью число родившихся у немцев Армавира детей составляло примерно 5,43% от их общей численности.

Среднее арифметическое соотношений умерших немцев и общей численности общины, исключая годы, сопровождавшиеся эпидемическими вспышками и острыми гражданскими конфликтами, составило 3,44%. То есть, именно такая (гипотетически допустимая) доля умерших немцев к их общему числу в Армавире в межвоенный период будет в наибольшей мере близка реальной величине этого соотношения.

Долю вступивших в брак в общей массе армавирицев-немцев мы выводили не стали главным образом из-за того, что здесь разброс показателей оказался слишком велик, что объясняется, пожалуй, наибольшей степенью субъективности этого фактора.

Итак, если мы примем за основу коэффициент рождаемости, то в 1940 г. немцев в Армавире должно было быть 1 565 чел. Именно эта цифра составит 100% в отношении, где 85 чел. составляют 5,43%.

Обратимся к показателю смертности. Следуя тому же алгоритму действий, что и абзацем выше, мы предположительно приходим к выводу, что численность немцев в Армавире в 1940 г. должна была составлять 1 453 чел.

Таким образом, следуя описанному приему, мы выяснили, что в 1930-е гг. наблюдается общее снижение численности немецкой общины Армавира в сравнении с 1926 г. Вероятнее всего, количество немцев в Армавире накануне Великой Отечественной войны колебалось в пределах от 1 453 до 1 565 чел.

Другим важным аспектом исследования в духе «новой локальной истории» явилось изучение системы родственных и соседских связей. Здесь нам также оказали известную помощь метрические книги молитвенного дома и актовые книги ЗАГСа. Вообще, этим вопросам мы посвятили отдельную главу, которая называется: «О некоторых символах и факторах этнокультурного единства немцев Армавира» [Там же, с. 148-220].

В этой части работы мы рассматривали такие аспекты, как семья и брак; уровень образования и проблема грамотности на родном языке, степень конфессионального единства, социальные связи внутри группы. Последнее обстоятельство рассматривалось нами на основании рабочей гипотезы, что выходцы из одних и тех же колоний поддерживали тесные связи на новом месте жительства, а также что немцы-реформаты представляли собой корпоративную группу среди численно преобладавших немцев-лютеран. Приняв за основу эту гипотезу, мы начали анализировать состав социального окружения выходцев из одних и тех же колоний, а также реформатов [Там же, с. 181-189]. Данные об этом содержались в перечне восприимчивых при крещении ребёнка, а также в поквартальных книгах КТИ, где можно было увидеть соседей интересующих нас лиц. Итогом наших изысканий стал вывод о том, что рабочая гипотеза не подтвердилась: земляки по Поволжью или Бессарабии, Таврической губернии и т.п. в социальном окружении выходцев из этих регионов были, но не преобладали. Такая же картина наблюдалась и в отношении реформатов, активно контактировавших с лютеранами в Армавире. В связи с этим, нами был сделан вывод, что на новом месте жительства для российских немцев факторы общности происхождения, языка и культуры играли более важную консолидирующую роль, чем конфессиональные оттенки и факт землячества на прежнем месте жительства.

Объем написанного материала и количество ещё не затронутых вопросов о методах и приёмах исследования, примененных нами в процессе изучения городского этнокультурного локуса российских немцев в провинциальном городе, подсказывают, что данная работа должна стать первой в серии статей, в которых нами будут рассмотрены приемы изучения истории быта, проблем сохранения родного языка в инокультурном окружении, черт политической жизни, факторов этнокультурной консолидации и признаков размывания диаспоры в городских условиях.

Список литературы

1. Булыгина Т. А. Региональная история: поиски новых исследовательских подходов // Запад – Россия – Кавказ: межвузовский научно-теоретический альманах. Ставрополь – М.: Изд-во ИВИ РАН, 2003. Вып. 2. С. 415-420.
2. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 445 с.
3. Кгитров С. Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918). Армавир: Скорина, 2002. 384 с.
4. Маловичко С. И., Булыгина Т. А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история: материалы первой всероссийской научной интернет-конференции (г. Ставрополь, 23 мая 2003 г.). Ставрополь, 2003. Вып. 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография. С. 6-22.
5. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Проблемное поле актуального исторического знания и новая локальная история [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newlocalhistory.com/sites/default/files/pictures/regionhistukr.pdf> (дата обращения: 13.04.2013).
6. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. М.: Фолио, 2009. 384 с.
7. Новая локальная история [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newlocalhistory.com/> (дата обращения: 08.04.2013).
8. Репина Л. П. Новая локальная история // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX-XX веках: сб. статей / под ред. И. В. Нарского. Челябинск: Каменный пояс, 2003. С. 10-19.
9. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
10. Румянцева М. Ф. Новая локальная история в проблемных полях современного гуманитарного знания // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». М., 2005. С. 130-132.
11. Румянцева М. Ф. Теория истории. М.: Аспект-Пресс, 2002. 319 с.
12. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84-118.
13. Шнайдер В. Г., Кгитров С. Н. Немцы Армавира. Армавир: Скорина, 2012. 680 с.

ETHNOCULTURAL COMMUNITY UNDER URBAN CONDITIONS: ATTEMPT OF LOCAL-HISTORICAL RESEARCH

Shnaider Vladimir Gennad'evich, Doctor in History, Associate Professor
Kuban' State University (Branch) in Armavir
schneiderw@mail.ru

The author discusses the problems of the practical use of some methods and research techniques of “new local history” and microhistory, by the specific example considers the attempt of the application of the methods of local community collective biography, historical-demographic and local analysis, extrapolation, the study of ethnocultural community social ecology, and raises the question about the topicality of such research problem as the history of ethnocultural community under urban conditions.

Key words and phrases: ethnocultural community; social ecology; historical-demographic and local analysis; extrapolation; new local history; microhistory.